

История России: с древнейших времен до 1917 года

Т.В. Бессонова

Мещанство в структуре российского общества конца XVIII – первой половины XIX веков: к вопросу о социальных определениях

Цель данной статьи — исследование терминологии, применяемой при изучении одной из крупнейших социальных групп городского населения России конца XVIII – первой половины XIX веков. Анализ социальных определений мещанства проводится как в рамках сословно-классовой парадигмы, так и с учетом иных трактовок, предлагавшихся российскими и зарубежными учеными. Приводится обзор различных понятий, используемых исследователями разных методологических школ, а также закрепленных в массовом сознании исторической эпохи.

Ключевые слова: мещанство; социальные структуры; сословие; класс; городское гражданство.

Неотъемлемой характеристикой российского общества изучаемого периода является его стратификация. Более того, в течение всего XVIII столетия в России происходили его существенные структурные изменения. Чрезвычайная дробность социальной структуры допетровской России, отмеченная еще В.О. Ключевским [10: с. 213], преодолевалась не только благодаря объективным макропроцессам, но и сознательному решению государства по ее упорядочению и консолидации отдельных групп. Таким «сконструированным» сословием стало мещанство.

Социальная структура с точки зрения новой социальной истории — «система иерархически взаимосвязанных социальных позиций, которые фиксируют общественное положение, права и обязанности людей, обладающих различным статусом и престижем, и совокупность ролевых предписаний, предъявляемых обществом к лицам, занимающим эти позиции» [17: с. 47]. Необходимым фундаментом исследования образа жизни мещанства является

понимание природы данной социальной группы, контуры которой определяются как формально-юридическими определениями, так и социально-экономическими реалиями.

Структурный анализ российского общества дореформенного периода поставил вопрос о необходимости социальных определений, сконцентрированный вокруг сословно-классовой парадигмы. Выделение мещанства как социальной группы происходило посредством законодательных установлений, поэтому его юридическое определение становится первым в ряду социальных формулировок. В российском законодательстве XVIII – первой половины XIX веков для определения мещанства использовался термин «состояние» (нем. Stand, фр. état). Так, Городовое положение 1785 года, завершившее процесс правового оформления мещанства, применяет понятие «состояние» в юридическом смысле как определение прав и обязанностей различных категорий городских обывателей. Под термином «состояние» понималась «особая порода людей», имеющая отличительные юридические признаки, не совпадающие с другими категориями населения, например дворянством [8: с. 35]. Л.О. Плошинский, замечая, что именно при Екатерине II произошло всестороннее развитие юридической жизни городского состояния [15: с. X], подробно описывает его правовое положение, трактуя мещанство как один из разрядов состояния городских обывателей. В литературном языке понятие «состояние» также употреблялось применительно к характеристике социальных групп. Так, в «Полном немецко-русском лексиконе» 1798 года слово «Stand» переводится как «состояние, род, происхождение, чин» [21: с. 558].

В первой половине XIX века в литературном и делопроизводственном языке все чаще стал употребляться термин «сословие». Исследуя этимологию данного понятия, выдающийся российский языковед академик В.В. Виноградов указывал, что уже в пушкинскую эпоху слово «сословие» употреблялось в двух значениях: «1. общественная группа, отличающаяся от других общественных групп своими закрепленными законом наследственными правами и обязанностями; 2. группа лиц, объединенных профессиональными интересами» [2: с. 136–137]. В академическом словаре 1847 года понятие «сословие» употреблялось уже в четкой социально-юридической трактовке: «Разряд людей какого-либо звания, отличающийся от прочих особыми правами и обязанностями. Сословие дворянства. Сословие купечества. Сословие ученых» [22: с. 397]. Таким образом, понятие «сословие» постепенно становится синонимом общества, корпорации, имеющей обособленность как в юридическом плане (дворянское сословие), так и по иным признакам (например, сословие литераторов).

Подчеркивая юридический смысл сословного деления общества, В.О. Ключевский отмечал, что сословная структура в России отличается необычайной подвижностью и изменчивостью, поскольку в отличие от европейских государств в России сначала сложились сословные обязанности в виде государственных

повинностей, разверстанных по имущественному состоянию, и только в XVIII веке произошло формирование сословных прав [10: с. 37–38]. Екатерининское законодательство положило начало формированию сословной структуры российского общества, еще более четко оформленной Законами о состояниях Свода законов Российской империи 1832 года, в результате чего сложились четыре сословия российского общества: дворяне, духовенство, городские обыватели и крестьяне (сельские обыватели). Наиболее отчетливо этой позиции придерживались историки государственной школы, в частности К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, М.П. Погодин, взгляды которых по данному вопросу обстоятельно изложены В.О. Ключевским в курсе лекций «История сословий в России» [10: с. 27–29]. Таким образом, в терминологии дореформенной эпохи формально мещанство не было отдельным сословием. Сословные права, в том числе и главное право прежнего посадского населения — заниматься торгово-промышленной деятельностью, получили в целом городские обыватели. Любой представитель других групп населения, прежде чем войти в данную деятельность, должен был приобрести на нее право — вступить в число городских обывателей, которым это занятие было присвоено как сословная привилегия.

Советская наука, основанная на марксистском подходе к социальной классификации, для исследования социальной истории оперировала понятием «класс». В основе позиции советских ученых лежало ленинское определение классов, к которым он относил «большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда» [12: с. 15].

Советская историческая энциклопедия выделяет в структуре общества основные классы, порожденные господствующим способом производства, неосновные классы, представляющие остатки предшествующего или зародыши последующего способа производства, а также промежуточные классы и слои, находящиеся между двумя основными классами, к которым относилось в том числе и мещанство [9: с. 400–401]. Классовый анализ социальной структуры наиболее последовательно использовался при исследовании пореформенной России, в которой развитие капитализма способствовало процессу образования классов буржуазного общества, а мещанство пополняло собой два основных класса — мелкую буржуазию и пролетариат [6: с. 336].

Применяя понятие «класс» к индустриальному периоду российской истории, исследователи использовали его и для дореформенного времени, однако, констатируя классовый характер российского общества, ученые фактически приходили к выводу о наличии в нем сословного деления. М.Т. Белявский в статье с идеологически выверенным названием «Классы и сословия феодального общества в свете ленинского наследия» отмечал, что, несмотря на значительные отличия российской социальной структуры от европейской, дореформенная Россия была

сословным обществом, а «основные черты сословного строя сохранялись и в период перехода страны в стадию империализма» [1: с. 79]. Подробно исследуя российское законодательство о сословиях, А.В. Елпатьевский констатирует классовую природу российского государства, одновременно уточняя, что общество было разделено на неравноправные группы-сословия, а государство было заинтересовано в сохранении сословных рамок как средства консервации феодально-самодержавного строя [5: с. 34].

Таким образом, большинство советских исследователей, учитывая специфику российской социальной структуры в сравнении с европейской, придерживались мнения, что дореформенная Россия была сословным обществом, в котором по мере развития капитализма происходило разрушение сословий и формирование классов, но сословные пережитки достаточно долго сохраняли свое присутствие. Соответственно социальная структура городов первой половины XIX века квалифицировалась как сословно-классовая. Отсюда проистекает некоторая эклектика в терминологии, появляются понятия «группа-сословие», «сословие-класс» [16: с. 67–68].

Особенно трудно в сословно-классовую схему вписывалось мещанство. Акцентируя внимание на терминологии, П.Г. Рындзюнский аргументировал целесообразность использования понятия «городское гражданство», отмечая принципиальные отличия городских обывателей от крестьян, особенно выделяя право участия в городском самоуправлении как реализацию гражданских прав городского населения. П.Г. Рындзюнский подчеркивал, что купцы, мещане и цеховые использовали общее наименование «городские граждане», тем самым идентифицируя себя в целом как городское сословие [18: с. 3]. Исследуя документацию магистратов городов Тверской губернии конца XVIII века, Н.В. Середа также отмечает, что мещане, купцы и цеховые рассматривали себя как общую группу городских граждан, а используемое в законодательстве понятие «городское гражданство» трактовалось современниками как «купеческое и мещанское общество» [1: с. 100]. С.И. Сметанин в статье «Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг.» пришел к выводу, что «мещанство и купечество были фактически не двумя, а одним городским сословием, наиболее богатая часть которого и являлась купечеством» [20: с. 171]. Выделяя наследственность прав как главное юридическое определение сословия, Ю.Г. Глазов в работе, посвященной правовым проблемам социальной структуры России, под сословием понимает городское население, обладающее правами городских обывателей, в составе которого купечество и мещанство образуют сословные группы [4: с. 18].

Таким образом, большинство исследователей истории городского населения России в качестве единого сословия обозначали в целом непривилегированные городские слои, выделяя внутри него различные разряды, отличающиеся по своему юридическому положению, основными из которых были купечество и мещанство. В фундаментальном исследовании социальной истории

России XVIII – начала XX веков Б.Н. Миронов подчеркивал, что «даже после утверждения сословной парадигмы, не говоря уже о более раннем времени, каждое из четырех сословий, как оно определялось в законе, никогда не составляло единого целого, а подразделялось на разряды, весьма различные по своему юридическому положению» [13: с. 81].

Подробно анализируя мнения, выработанные отечественной и зарубежной исторической наукой, З.М. Кобозева приходит к выводу, что «сословная парадигма» в позднеимперской России для современного исторического общества так же, как и для их предшественников, является некоей травмирующей ситуацией, заставляющей исследователей когнитивно определяться в отношении терминов («класс», «сословие», «класс-сословие»), метафор («*sedimentary society*» Г. Фриза; «пирог» А. Каплуновского») [11: с. 38–39].

Некритичное отношение российских исследователей к терминам, в частности использование понятий «класс» и «сословие» в качестве взаимозаменяемых, отмечал американский историк Г. Фриз в работе «Сословная парадигма и социальная история России» [24: с. 121]. Анализируя дореволюционную и советскую историографию вопроса, ученый подверг переоценке мнения российских исследователей разных эпох, признающих за государством ключевую роль в формировании социальной структуры российского общества, которая в своем сословном виде сложилась в XVIII веке, а по мере буржуазной модернизации пореформенного периода неизбежно эволюционировала в сторону классовой [24: с. 125]. Автор полагает, что сословия в целом сложились только к началу XIX века и включали далеко не все социальные группы. В течение дореформенного времени сословная система продолжала развиваться, приобретая зрелость и стройность, достаточно адекватно отражая социальную действительность [24: с. 137]. Ключевую роль в данном процессе играло не только государство, значительным было влияние экономических, культурных, социальных факторов. Государство постоянно реагировало на импульсы снизу, по мере возможности адекватно учитывая интересы сословий в той части, где они не противоречили интересам государства в целом, что свидетельствует о жизнеспособности системы [24: с. 145]. К такому же выводу пришел немецкий историк М. Хильдермайер, изучающий городские сословия в России в социально-структурном разрезе [25]. В значительной мере подобный симбиоз способствовал эффективности сословного строя и после Великих реформ: обособленность сословий усиливалась различиями в системе ценностей, образе жизни, религиозной практике, образовании. В результате возникновение классов в пореформенную эпоху происходило на фоне сохранения сословной системы, в чем было заинтересовано не только государство, но и значительная часть населения, особенно корпоративно организованного [24: с. 151]. Сочетая идеи государственного института и общественной группы, сословие как понятие, по мнению Г. Фриза, наиболее адекватно соответствовало дворянству и горожанам [24: с. 133].

Российская сословная система была дифференцированной и гибкой: между различными социальными группами не было непреодолимого барьера, социальный статус менялся не только в силу экономических обстоятельств, но и образования, этнической и религиозной принадлежности, изменения места жительства и т. п. Внутри сословий образовывались отдельные группы, что свидетельствует о маневренности системы. Подробно этот феномен российского сословного общества на примере разночинцев исследовала Э. Фиртшафтер, показывая, что смешивались и перекрывали друг друга все социальные категории и их типы, представляя собой переплетение формальных положений, классификаций и определений, отражающих изменчивость образа жизни [3: с. 43]. Подобное общество А. Дж. Рибер называл «седиментарным», допускающим существование внутрисистемных, постоянно перекрывающих друг друга слоев социальной организации [26: с. 346–366].

Убедительным подтверждением подобного вывода является свидетельство современников. П.И. Пестель в третьей главе «Русской правды» писал, что «много существует различных сословий, состояний или классов людей в России. Каждое из оных имеет свои особенные отличительные виды и преимущества, свои особенные определенные выгоды и ограничения. По соображению настоящего положения вещей оказывается таковых сословий в народе до двенадцати различных...», в том числе купечество и мещанство [14: с. 150].

Таким образом, разделяя мнение Б.Н. Миронова, Г. Фриз полагает, что сословия в XVIII–XIX веках не были простой иерархией четырех социальных групп, в России было четыре юридических состояния, внутри которых находились собственно сословия. Так, состояние городских обывателей включало в себя мещан и купцов — подразделения внутри состояния, наделенного юридическим правом [24: с. 139].

Необходимость определиться терминологически заставляет вернуться к языку эпохи, к тем определениям, которые закрепились в массовом сознании. Г. Фриз убедительно доказал, что в законодательном, литературном и делопроизводственном языке с начала XIX столетия помимо отмеченных определений социальных групп современники употребляли термин «сословие». На необходимость анализировать социальную структуру именно в сословном разрезе обращает внимание Б.Н. Миронов, поскольку русское законодательство признавало существование сословий, а массовое сознание — сословную парадигму [13: с. 78].

Таким образом, с момента своего появления и до Великих реформ мещанство было частью сословно-структурированного общества. Однако и в пореформенное время оно оставалось элементом сословной системы, довольно успешно сохранившейся в своих основных чертах. Конечно, проницаемость сословных рамок стала значительно выше, межсословная мобильность активизировалась не только в связи с финансово-материальными изменениями, но и профессиональными, социокультурными, этноконфессиональными характеристиками. Многослойность

идентичностей в пореформенной России А. Каплуновский образно сравнил с пирогом, в котором, по его мнению, уже отсутствовали условия для формирования и воспроизводства мещанского самосознания и устойчивого социокультурного типа. Тем не менее, анализируя основные мещанские повинности в позднеимперской России, А. Каплуновский доказывает, что мещанство продолжало сохранять свое значение для государства как налоговой категории и института социального контроля и обеспечения, что являлось главной объединяющей силой для российских сословий. Таким образом, А. Каплуновский подчеркивает, что «в поздней империи сословная система и другие формы социокультурной идентичности и самоорганизации, основанные, например, на профессиональной или этноконфессиональной принадлежности, не только сосуществовали, но и взаимодополняли друг друга» (Kaplunovski A. A Social Phantom: Meshchanstvo in the Socio-Cultural Context of Late Imperial Russia // *Ab imperio*. [Электронный ресурс] URL: <http://abimperio.net/portal/outreach/AKberlin.pdf> (дата обращения: 26.08.2015).

Некоторые исследователи оперировали понятием «сословие» даже применительно к советской эпохе. Так, американский историк Ш. Фицпатрик пришла к выводу, что официально декларированные классы общества — сознательный конструкт советской власти, а в действительности социальные группы советского общества более похожи на «советские сословия» [23: с. 176–177].

Среди современных отечественных исследователей наиболее обстоятельно вопрос сословно-классовой парадигмы изучен в монографии Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой «Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века)». В известной мере эта работа стала подведением итогов всей предшествующей историографии. Авторы применяют понятие «сословие» как к дореформенной, так и к пореформенной эпохе, связывая начало образования классов с индустриальным периодом истории России [7: с. 217]. В монографии определены ключевые признаки сословия: законодательное закрепление сословных прав, обязанностей и занятий, передача их по наследству; сословное общественное управление путем сословных корпоративных организаций; участие в местном самоуправлении, при этом отмечено, что применительно к городскому населению процесс формирования сословных признаков охватил XVIII – первую треть XIX века [7: с. 329].

Таким образом, за обществом признали право на множественность иерархий, а историческое сообщество вернулось к понятиям, наиболее прочно закрепившимся в массовом сознании изучаемой эпохи.

Литература

1. *Белявский М.Т.* Классы и сословия феодального общества в свете ленинского наследия // Вестник МГУ. Серия 9. История. 1970. С. 68–72.
2. *Виноградов В.В.* Историко-этимологические заметки IV // *Этимология* 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М.: Наука, 1968. С. 111–138.
3. *Виртшафтер Элис К.* Социальные структуры: различия в Российской империи. М.: Логос, 2002. 272 с.

4. Глазов Ю.В. Место купечества в социальной структуре российского общества XVIII – первой трети XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. научных статей. Вып. 5. Курск: Курский государственный университет, 2012. С. 13–23.
5. Елаптьевский А.В. Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности царской России // Источниковедение отечественной истории: сб. статей. М.: Наука, 1986. С. 34–73.
6. Иванов Л.М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России: сб. статей к 85-летию со дня рождения академика Н.М. Дружинина. М.: Наука, 1971. С. 312–340.
7. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.
8. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II. М.: Б/и, 1909. 474 с.
9. Классы и классовая борьба // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 400–411.
10. Ключевский В.О. История сословий в России. Петроград, 1918. 276 с.
11. Кобозева З.М. Мещанская повседневность провинциальных городов России во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2014. 738 с.
12. Ленин В.И. Великий почин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Изд-во политической литературы, 1970. С. 3–29.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. 3-е изд. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
14. Пестель П.И. Русская правда // Восстание декабристов. Документы. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1958. 692 с.
15. Плошинский Л.О. Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии от начала Руси до новейших времен. СПб.: б/и, 1852. 290 с.
16. Преображенский А.А. Об эволюции сословно-классового строя в России // Общество и государство в феодальной России: сб. статей, посвященных 70-летию академика Л.В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 69–72.
17. Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 320 с.
18. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 556 с.
19. Середа Н.В. К изучению терминов «гражданство», «мещанство», «купечество» (по документам городских магистратов Тверской губернии) // Мир источниковедения. М.; Пенза: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1994. С. 97–101.
20. Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800–1861 гг. // Исторические записки. 1978. Т. 102. С. 153–182.
21. Сословие // Полный немецко-русский лексикон, из большого грамматикально-критического словаря господина Аделунга составленного. СПб., 1798. Т. 2. 558 с.
22. Сословие // Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 3. 2-е изд. СПб., 1867–1868. С. 397.
23. Фицпатрик Ш. «Приписывание к классу» как система социальной идентификации // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 174–207.

24. Фриз Грегори Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. С. 121–162.

25. Hildermeier M. Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Structur. Köln, Wien, Börlau, 1986. 680 s.

26. Rieber Alfred J. The Sedimentary Society // Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West, eds. Between Tsar and Peole: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia. Prinseton, 1991. P. 346–366.

Literatura

1. Belyavskij M.T. Klassy' i sosloviya feodal'nogo obshhestva v svete leninskogo naslediya // Vestnik MGU. Seriya 9. Istoriya. 1970. S. 68–72.

2. Vinogradov V.V. Istoriko-e'timologicheskie zametki IV // E'timologiya 1966. Problemy' lingvogeografii i mezh'yazy'kovy'x kontaktov. M.: Nauka, 1968. S. 111–138.

3. Virtshafter E'lis K. Social'ny'e struktury': raznochincy' v Rossijskoj imperii. M.: Logos, 2002. 272 s.

4. Glazov Yu.V. Mesto kupechestva v social'noj strukture rossijskogo obshhestva XVIII – pervoj treti XIX veka // Istoriko-pravovy'e problemy': novy'j rakurs: sb. nauchny'x statej. Vy'p. 5. Kursk: Kurskij gosudarstvenny'j universitet, 2012. S. 13–23.

5. Elapt'evskij A.V. Zakonodatel'ny'e istochniki po istorii dokumentirovaniya soslovnoj prinadlezhnosti czarskoj Rossii // Istochnikovedenie otechestvennoj istorii: sb. statej 1984. M.: Nauka, 1986. S. 34–73.

6. Ivanov L.M. O soslovno-klassovoj strukture gorodov kapitalisticheskoi Rossii // Problemy' social'no-e'konomicheskoi istorii Rossii: sb. statej k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N.M. Druzhinina. M.: Nauka, 1971. S. 312–340.

7. Ivanova N.A., Zheltova V.P. Soslovnoe obshhestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX veka). M.: Novy'j xronograf, 2010. 752 s.

8. Kizevetter A.A. Gorodovoe polozhenie Ekateriny' II. M.: B/i, 1909. 474 s.

9. Klassy' i klassovaya bor'ba // Sovetskaya istoricheskaya e'nciklopediya. T. 7. M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1965. S. 400–411.

10. Klyuchevskij V.O. Istoriya soslovij v Rossii. Petrograd, 1918. 276 s.

11. Kobozeva Z.M. Meshhanskaya povsednevnost' provincial'ny'x gorodov Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... d-ra ist. nauk. Samara, 2014. 738 s.

12. Lenin V.I. Velikij pochin // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 39. M.: Izd-vo politicheskoi literatury', 1970. S. 3–29.

13. Mironov B.N. Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticeskoi sem'i i pravovogo gosudarstva. 3-e izd. T. 1. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2003. 548 s.

14. Pestel' P.I. Russkaya pravda // Vosstanie dekabristov. Dokumenty'. T. 7. M.: Gospolitizdat, 1958. 692 s.

15. Ploshinskij L.O. Gorodskoe ili srednee sostoyanie russkogo naroda v ego istoricheskom razvitii ot nachala Rusi do novejsix vremen. SPb.: b/i, 1852. 290 s.

16. Preobrazhenskij A.A. Ob e'volucii soslovno-klassovogo stroja v Rossii // Obshhestvo i gosudarstvo v feodal'noj Rossii: sb. statej, posvyashheny'x 70-letiyu akademika L.V. Cherepnina. M.: Nauka, 1975. S. 69–72.

17. *Repina L.P.* «Novaya istoricheskaya nauka» i social'naya istoriya. M.: Izd-vo LKI, 2009. 320 s.
18. *Ry'ndzyunskij P.G.* Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 556 s.
19. *Sereda N.V.* K izucheniyu terminov «grazhdanstvo», «meshhanstvo», «kupechestvo» (po dokumentam gorodovy'x magistratov Tverskoj gubernii) // *Mir istochnikovedeniya*. M.; Penza: Rossijskij gos. gumanit. un-t, 1994. S. 97–101.
20. *Smetanin S.I.* Razlozhenie soslovij i formirovanie klassovoj struktury' gorodskogo naseleniya Rossii v 1800–1861 gg. // *Istoricheskie zapiski*. 1978. T. 102. S. 153–182.
21. *Soslovie* // *Polny'j nemecko-rossijskij leksikon, iz bol'shogo grammatikal'no-kriticheskogo slovarya gospodina Adelunga sostavlennogo*. T. 2. SPb., 1798. 558 s.
22. *Soslovie* // *Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka*. T. 3. 2-e izd. SPb., 1867–1868. S. 397.
23. *Ficzpatrik Sh.* «Pripisy'vanie k klassu» kak sistema social'noj identifikacii // *Amerikanskaya rusistika: veki istoriografii poslednix let. Imperatorskij period: antologiya / sost. M. De'vid-Foks*. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2001. S. 174–207.
24. *Friz Gregori L.* Soslovnaya paradigma i social'naya istoriya Rossii // *Amerikanskaya rusistika: veki istoriografii poslednix let. Imperatorskij period: antologiya / sost. M. De'vid-Foks*. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2000. S. 121–162.
25. *Hildermeier M.* Bürgertum und Stadt in Russland, 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Structur. Köln, Wien, Bölau, 1986. 680 s.
26. *Rieber Alfred J.* The Sedimentary Society // Edith W. Clowes, Samuel D. Kassow, and James L. West, eds. *Between Tsar and Peole: Educated Society and the Quest for Public Identity in the Late Imperial Russia*. Prinseton, 1991. P. 346–366.

T.V. Bessonova

The Petty Bourgeoisie in the Structure of Russian Society at the End of XVIII – First Half of XIX Century: to the Question about Social Definitions

The purpose of this article is the study of the terminology used for study of one of the largest social groups of urban population of Russia in the late XVIII – early XIX century. Analysis of social definitions of petty bourgeoisie is conducted in the framework of the paradigm of estate and class, and with regard to other interpretations offered by Russian and foreign scientists. A review of the different concepts used by researchers of different methodological schools, and also enshrined in the mass consciousness of the historical epoch is carried out.

Keywords: petty bourgeoisie; social structures; estate; class; urban citizenship.